

3. Эдельман Д. И., Климов Г. А. Из истории одной древнепереднеазиатской лексической изоглоссы // Ирано-афразийские языковые контакты. М., 1987.
4. Мачавариани Г. И. Общекартвельская консонантная система. Тбилиси. 1965
- (на груз. яз.).
5. Фогт Г. // ВЯ. 1966. № 6. Рец. на кн.: Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965.

Климов Г. А.

Разновидности юродской устной речи/Отв. ред. Шмелев Д. Н., Земская Е. А. М.: Наука, 1988. 260 с.

Рецензируемая книга продолжает цикл исследований, посвященных изучению живого языка современного русского города. Теоретические основы этого научного направления в советском языкознании были разработаны Е. А. Земской в конце 60-х гг. [1], основные результаты исследований представлены в коллективных монографиях о литературной разговорной речи [2–5], в сборнике статей о городском просторечии [6], а также в целом ряде книг и статей авторов указанных монографий [7] и др.

Обсуждаемый сборник открывает дальнейшие перспективы исследований этого цикла, в нем осуществлен новый подход к вычленению объекта изучения: если в предшествующих работах предмет исследования определялся социальными характеристиками говорящего субъекта, то здесь он избирается по иному признаку — с точки зрения формы речи (устная речь). Эти перспективы обстоятельно характеризуются Е. А. Земской во вступительной статье сборника — «Городская устная речь и задачи ее изучения» (с. 5–44). Автор анализирует целый ряд явлений, предопределяющих основные особенности устной речи: ее неподготовленность как важнейший признак, характер и вид коммуникаций, взаимоотношения говорящего субъекта и адресата речи, невербальные компоненты коммуникации, коммуникативные намерения говорящего, жанры речи.

Четкость выделения, дифференциации и противопоставления объекта исследования придает большую объяснительную силу теоретическим решениям Е. А. Земской, обуславливая вместе с тем их полемическую заостренность и бескомпромиссность. Вспомним, например, широко известное противопоставление разговорной речи (РР) как особой языковой системы кодифицированному литературному языку (КЛЯ) (см. [2, с. 5–25]). В обсуждаемой статье автор не отступает от своих теоретических принципов и приемов исследования, но поле его наблюдений становится более обширным, охватывающим как КЛЯ, так и РР и просторечие. Это

обуславливает интерес исследователя не только к дифференциальным, но и к интегральным признакам — к тем «переходным мостам», которые объединяют противопоставленные разновидности устной и письменной речи.

Так, характеризую особенности свободного тематического развития текста (закон ассоциативного присоединения), автор дает весьма выразительное сопоставление примеров из РР и диалога из «Дней Турбиных» М. Булгакова (с. 25–27), в анализе коммуникативных намерений говорящего рассматриваются материалы как собственно РР, так и КЛЯ (с. 30–39), в определении жанров речи привлекаются понятия и признаки устного и письменного текста (с. 39–43). Такой подход позволил обнаружить целый ряд текстообразующих закономерностей и сформулировать общий вывод о типологических особенностях (универсалиях и фреквенталиях) разговорной речи русского и других языков (с. 43–44).

Языковой статус устной русской речи, ее типы и разновидности, их взаимосвязь и соотношение явились предметом квантитативно-типологического исследования А. Ф. Журавлева (с. 84–150). В качестве объекта анализа здесь выделены следующие типы речи: устная публичная речь, разговорная речь (РР), просторечие, диалектная речь; кроме того, в каждом из этих типов рассматривается два различных вида устной речи: монолог и диалог. Изучение разновидностей устной речи было проведено в сопоставлении с письменной речью, представленной тремя разновидностями: научный стиль, официально-деловой стиль, беллетристика. Для исследования было отобрано 39 текстов — фрагментов письменных сочинений и расшифровок магнитофонных записей устной речи, объединенных в 11 названных групп (три стиля письменной речи и восемь разновидностей устной речи).

Индексы, с помощью которых оцениваются выбранные тексты, представляют собой отношение отмеченного в тексте числа каких-либо единиц либо к его

объему, либо к числу языковых единиц более высокой иерархической ступени. Все статистические данные сведены в 26 таблиц, представляющих те параметры, по которым сопоставляются статистические данные всех одиннадцати разновидностей письменной и устной речи. Индексы употребительности различных языковых явлений позволяют сформулировать четкие и вполне определенные выводы. Так, анализируя употребительность падежных форм имени существительного и местоимения-существительного, автор приходит к следующему заключению: «Наибольшая эффективность индекса употребительности родительного падежа обнаруживается в оппозиции подготовленной и спонтанной речи (в первом из этих типов речи формы родительного падежа встречаются почти в два с половиной раза чаще, чем во втором)» (с. 123). Подобные выводы, в зависимости, естественно, от количественных показателей, делаются по употребительности личных местоимений, по словосложению, деривации, словоизменению, префиксации, суффиксации, флексивности, аналитичности, грамматичности, глагольности и т. д. анализируемых разновидностей речи.

Статистические данные А. Ф. Журавлева, результат большой и кропотливой работы, представляются совершенно необходимыми (и уникальными по своей ценности) для дальнейших сопоставительных исследований устной и письменной речи. Более того, они будут служить надежным ориентиром в стратегическом планировании изучения многих явлений кодифицированного литературного языка и живой разговорной речи.

Вместе с тем нельзя не отметить и противоречивость, недостаточную убедительность (кстати, не только не скрываемую, но и постоянно подчеркиваемую автором исследования) некоторых решений и полученных результатов. Это обусловлено прежде всего противоречивостью по разнородности самих факторов языка. Кроме того, познавательная ценность количественно-типологических решений прямо пропорциональна надежности и доказательности исходной классификации языкового материала. Если же критерии предлагаемой классификации вызывают сомнение, то все статистические выкладки автоматически утрачивают свой смысл.

Учитывая это обстоятельство, автор постоянно стремится к четкому и строгому обоснованию своей систематизации языкового материала. Почти во всех случаях предлагаемые классификационные решения могут и должны быть приняты — иногда и просто за наименее лучших. Но некоторые из них не пред-

ставляются вполне доказательными.

Так, при измерении общей предикативности текстов подробно перечисляются все выделенные автором предикаторы. При этом особо подчеркивается условность осуществленной систематизации. Ср.: а) «...однородные глагольные сказуемые считались разными предикативными элементами...» (с. 127); б) «не включались в самостоятельный подсчет именные однородные части при одной связке, в том числе нулевой» (с. 127). Положение (б) неоспорно, но важнее то, что оно представлено эксплицитно и что решение, аналогичное тому, которое сформулировано в положении (а), вызвало бы еще больше возражений. При всей дискуссионности выделения этих предикаторов (высказывать все сомнения здесь вряд ли целесообразно) это классификационное решение является в целом вполне приемлемым, а полученные результаты вызывают несомненный научный интерес.

А вот следующая далее характеристика неглагольной предикации (с. 128—130) в большой степени, если не полностью, утрачивает свою объяснительную силу. Классификационное решение, казалось бы, вполне логично: в этой рубрике рассматривается тот же языковой материал, но за вычетом собственно глагольных предикаторов. «Единственное, что объединяет ее составляющие, — отмечает автор, — это то, что она представляет собой не основные формы выражения сказуемого, противопоставляемые „классической“ глагольной предикации» (с. 129). Языковой материал этой рубрики онтологически крайне разнороден, — подчеркивает исследователь (с. 129). Ср.: *Мой брат учитель; Дома тесно; Курить вредно; Куда! В кино II, А ты! Тоже II* и т. п. Но не это главное. Безглагольность (нулевая связка) письменной и устной речи имеет разное языковое содержание: в первом случае (научный и официально-деловой стиль, баллетристика) нулевая связка включается, как правило, в план настоящего вневременного, тогда как во втором (все разновидности устной речи) она выражает значение настоящего актуального, сиоминутного с актом коммуникации. Сопоставление таких статистических данных не имеет собственно языковых оснований.

Основные выводы исследования А. Ф. Журавлева представлены в графической экспликации зависимостей и сходств (различий), существующих между выделенными разновидностями и формами устной и письменной речи. Эта схема (с. 147) наглядно представляет новизну и оригинальность осуществленного исследования. Следует также отметить, что в приложении К статье даны хорошо

подобранные образцы устной речи (семь текстов, с. 148—150).

Т. Г. Винокур обсуждает проблему стиливых свойств устной речи (с. 44—84). Исследователь исходит из того, что «...если время утверждения, что разговорная речь — это стиль, прошло, то утверждение, что в разговорной речи есть разговорный стиль и что составляющие его элементы проявляют себя не только вне, но и внутри РР, остается актуальным» (с. 62). Несмотря на необычность подчеркнутого положения его развернутое обоснование подтверждается весьма интересными наблюдениями и конкретным анализом многочисленных примеров. «Лингвостилистика обросла непомерно раздутым и противоречивым понятийно-терминологическим аппаратом» (с. 46), — совершенно справедливо подчеркивает автор. Не вводя новой терминологии, Т. Г. Винокур обнаруживает и исследует действительно новые стилистические категории и понятия. Ср. названия разделов ее статьи: разговорная речь, разговорный стиль, устная форма, стилистика звучащего текста, ситуативно-стилевые зависимости устного высказывания.

Анализируя способы выражения оценки в устной речи, Л. А. Капаназде приходит к выводу, что в РР в качестве оценок часто выступают гиперболы, литоты, метафоры, т. е. те средства, которые хорошо выражают субъективность говорящего по отношению к выражаемому (с. 151—156). Отличия РР от КЛЯ здесь заметны и значительны. Так, в РР для образования субстантивных метафор-оценок используется конкретная лексика: *балахон* (пальто), *сундук*, *стена* (несговорчивый, угрюмый человек) и т. п., метафорический перенос обозначений животных, птиц, рыб, насекомых («зверные метафоры») весьма активен и регулярен (многие случаи словарями не фиксируются), в качестве оценочных широко используются заменители вербального ряда — жесты, мимические движения, суперсегментные явления — прежде всего интонация и тон речи.

М. В. Китайгородская исследует особенности построения устного просторечного текста (с. 156—182). Современное русское просторечие не имеет, как известно, достаточно строгого определения, что обуславливается в первую очередь динамическими изменениями, осуществившимися в нашем языке в последние десятилетия. По мнению Е. А. Земской и М. В. Китайгородской, все современное просторечие можно разделить на два слоя — старый и новый: старый связан с диалектными особенностями (фонетика, морфология, лексика), новый слой характеризуют те «типические явления,

которые возникают при усвоении литературного языка недостаточно образованными жителями города или лицами, вышедшими из деревни» [6, с. 92]. Основное внимание автора статьи привлекает новый слой, точнее — общие для РР и просторечия тенденции: имплицитность построения текста, избыточная эксплицитность текста, свобода построения конструкций. Наблюдения М. В. Китайгородской весьма интересны и убедительны, однако общий вывод сформулирован с предельной осторожностью: рассматриваемые тенденции, свойственные и РР, оказываются в просторечии более продвинутыми (с. 181). С таким выводом нельзя не согласиться, хотя, по нашему мнению, в синтаксисе РР и просторечия больше все-таки общего, чем различного.

Синтаксические явления рассматриваются и в статье Т. С. Морозовой, анализирующей особенности построения текста в литературной устной публичной речи (с. 182—208). Наиболее удачны здесь разделы, характеризующие тенденцию к расчлененной подаче информации: конструкции с местоименным удвоением темлы высказывания (ср.: Реальные связи с вузом / они выражаются в нашей продукции), построения с повторением темы перед каждой ремой в однородном ряду (ср.: Они характеризуются вот такой вот общностью значения / и что важно / они характеризуются сегментированностью) и др. (с. 195—199). Общие выводы и суждения автора статьи представляются интересными и перспективными. Однако некоторые конкретные наблюдения неубедительны: вызывает возражение характеристика особенностей функционирования словоформ именительного предикативного (с. 204), схематично и фрагментарно описано употребление местоимений *этой*, *такой*, *там*., *здесь*, *какой-то* (с. 204—206).

Н. Н. Розанова анализирует особенности реализации гласных фонем <a> и <o> в 1-м предударном слоге после твердых согласных и [ц] в произношении коренных жителей Москвы (с. 208—233). Составляя данные КЛЯ и просторечия, автор приходит к следующим выводам: 1) употребление в 1-м предударном слоге широкого открытого [a:], превышающего по длительности ударный гласный, в современном московском литературном произношении более свойственно женщинам (предполагается перераспределение старых произносительных норм по другому социальному признаку); 2) в московском просторечии произношение широкого открытого [a:] в 1-м предударном слоге более распространено, чем в литературном языке, и меньше зависит от фразовой позиции.

Н. Е. Ильина рассматривает некоторые

проблемы русской морфологии (с. 224—230). В основе ее наблюдений положение А. А. Реформатского о фузионном стыке корня с суффиксом (*ленинградский*) и агглютинирующем стыке приставки с корнем (*подсадить*). В КЛЯ эта закономерность проявляется весьма строго и отчетливо. Просторечие подчиняется фонетической стихии, поэтому в нем трудно определить место морфемных швов и установить состав морфов в слове. В РР одни приставки (типа *е-, ее-, с-, со-* и т. п.) не контрастируют с корнем (морфемный шов часто оказывается смазанным), тогда как другие (*архи-, анти-, пере-, между-*) четко обозначают морфемную границу, а иногда и обретают самостоятельность (ср.: *Сегодня стирала она / училась / добродетельна была сверх Ц*).

Л. А. Капаналдзе (с. 230—234) и Е. А. Земская (с. 234—240) вносят существенные уточнения в понятие главных жанров РР (диалог, монолог, полилог, рассказ, городские стереотипы). Если ранее говорилось о том, что в РР границы жанров размыты и один жанр естественно перетекает в другой [3], то накопление нового материала, — подчеркивает Л. А. Капаналдзе, — позволяет говорить не о «перетекании», а о естественном переложении жанров, быстрой их смене в повседневном речевом общении.

Е. А. Земская обнаруживает в необходимом диалоге одно из его характерных свойств — тематическую полифонию. Важно подчеркнуть, что это явление еще не привлекало внимания исследователей. Политематичность выражается в том, что диалог может протекать сразу по двум (реже — больше) линиям, так как разные собеседники ведут разные темы. В статье представлена четкая и, на наш взгляд, вполне убедительная классификация тематической полифонии. Это новое научное положение аргументируется выразительными примерами как из РР, так и из художественной литературы (А. И. Герцен, сценарные записи И. Бергмана и М. Антониони). Наблюдения Е. А. Земской, весьма существенные для грамматической и стилистической интерпретации текста, вызывают целый ряд вопросов. В какой мере данное явление представлено в русской классической литературе? Когда и у каких авторов оно получает распространение (в наше время его, например, активно использует Ю. Коваль)? Какие типы тематической полифонии предпочтительны в художественных произведениях (драматургия, киносценарии)? Эти и другие вопросы могут быть предметом специального исследования.

Весьма своеобразной является тематика лингвопсихологических заметок О. П. Ермаковой — «Разговоры с животными»

(с. 240—247). К этой области функционирования языка лингвисты еще не обращались, а между тем, как убедительно показывают наблюдения О. П. Ермаковой, она содержит богатый и интересный материал для характеристики психологического мира и культуры речи говорящего индивидуума.

Заключают сборник три небольших статьи: О. Б. Сиротининой («Языковой облик г. Саратова», с. 247—253), З. С. Санджи-Гаряевой («Некоторые особенности устной речи г. Элисты», с. 253—257), Н. И. Голубевой-Монаткиной («К проблеме сопоставления французского и русского просторечия», с. 257—259). Эти работы обнаруживают перспективы и направление дальнейшего изучения городской устной речи.

Оценивая рецензируемый сборник в целом положительно, можно было бы указать и некоторые его недостатки. В частности, во многих статьях с большей или меньшей подробностью характеризуются те теоретические положения, которые разделяются едва ли не всеми авторами этой книги и которые частично известны по предварительным публикациям работ по проблематике РР и городской устной речи. Однако повторение некоторых научных положений, по-видимому, неизбежно и, кроме того, оно отчасти компенсируется как авторским видением исходных теоретических позиций, так и переосмыслением и развитием сформулированных ранее определений и суждений.

В заключение необходимо подчеркнуть, что если при первых публикациях цикла работ по РР [2, 3] общая характеристика этой проблематики представлялась достаточно полной и, может быть, законченной, то теперь наше восприятие и осмысление исследований устной речи существенно изменилось: стало очевидным, что это научное направление выдвинулось на передовые позиции в развитии советского языкознания, и каждая новая публикация по этой проблематике, дополняя и обогащая общие представления об устной речи, обнаруживает необходимость дальнейшего целенаправленного изучения разговорной речи во всем богатстве и разнообразии ее функционирования и ее связей с другими формами коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земская Е. А. Русская разговорная речь: Проспект (ротап rint). М., 1968.
2. Русская разговорная речь. М., 1973.
3. Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978.
4. Земская Е. А., Кутайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная

- речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
5. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.
 6. Городское просторечие: - Проблемы изучения. М., 1984.

7. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979; 2-е изд. М., 1987.

Чернов В. И.

Neues Testament des Cudov-Klosters. Eine Arbeit des Bischofs Alexij, des Metropolit von Moskau und ganz Bussland. Phototypische Ausgabe von Leontij Metropolit von Moskau, Moskau, 1892/Mit einer Einleitung hrsg. von Lehfeldt W. Koln; Wien: Btlaue Verlag, 1989 (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven/Hrsg. von Herder H.-B. und Rothe H. in Verbindung mit Olesch. R. Bd 28).

Настоящее издание привлекает наше внимание к исключительно интересному памятнику славянской письменности XIV в., в судьбе которого остается много неясного и значение которого еще не выявлено до конца. Из вступительной статьи издателя мы узнаем об интересе к этому тексту в русской науке XIX в., о частичных и полных его публикациях. Рукопись, хранившаяся в Чудовом монастыре московского Кремля, исчезла в 1918 г., а в нашем распоряжении остаются ее далекие от совершенства копии — фотографическое издание, выполненное в 1887 г. под наблюдением архим. Амфилохия, и фототипическое издание, выполненное в 1892 г. на иждивении московского митрополита Леонтия. В предисловии к изданию 1892 г. было сказано, в частности, следующее: «Еще московский митрополит Платон, украсивший сей памятник драгоценными камнями и жемчугом, начертал на нем: *тойто вѣауѣ Аѣов шС хѣва -Оужаѣров ѿГ (ри/атѣИѣ* (т. е. «...это Евангелие как некое сокровище должно хранить».— А. А.). Продолжая сию заботу и выполняя сие завещание, мы сочли долгом издать этот памятник фототипически, чтобы распространить обладание им между людьми веры и науки, и вместе с тем навеки сохранить его на тот случай, если бы подлинник его, в силу каких-либо несчастных судеб, подвергся уничтожению» [1]. Пророческое значение этих слов велико сегодня еще и потому, что отечественная филология пренебрегает этим наглядным и убедительным примером для подражания.

Тираж издания 1892 г. ограничился сотней экземпляров, поэтому можно от всей души приветствовать новую попытку фототипического тиражирования одной из копий 1892 г. В. Лефельту оказался доступен экземпляр из университетской библиотеки в Трире. Не все экземпляры 1892 г. равноценны по своему качеству, возможно, трирский не относится к числу лучших, так что в издании 1989 г.

немало мест, которые нельзя прочесть совершенно. Глоссы и маргиналии на полях не читаются полностью, тогда как в некоторых экземплярах 1892 г. их почти все можно разобрать с помощью увеличительного стекла. Если бы новое издание было основано на нескольких экземплярах 1892 г., результат, вероятно, был бы более удовлетворительным.

Текст Чудовской рукописи Нового завета представляет собою плод целенаправленной работы одного переводчика-редактора. Как это характерно для истории переводов св. Писания, переводчик знал и использовал какой-то славянский текст, но смысл своего труда видел в том, чтобы привести славянскую версию в полное согласие с греческой. С этой точки зрения вся работа может быть названа «переводом», поскольку принципиальная установка на воспроизведение всех лингвистических особенностей оригинала прослеживается здесь со всей очевидностью. Однако с точки зрения славянской традиции св. Писания этот труд может быть охарактеризован как «редакция», ибо использование известной славянской версии произведения (об этом ниже) также не вызывает сомнения. Научная основательность работы проявляется последовательным проведением всех лингвистических приемов. Переводчик-редактор стремился к тому, чтобы одним и тем же элементам греческого оригинала соответствовали одни и те же элементы славянской версии. Сходных попыток последовательного проведения избранных приемов в истории переводов св. Писания у славян известно не так уж много: это перевод толковых Пророков, выполненный в Болгарии в начале X в., и переводческая практика Епифания Славянского и его школы. Результаты первого опыта не столь выразительны, потому что сохранились в поздних списках XV—XVI вв., расхождения между которыми не всегда позволяют надежно реконструировать архетип. Школа Епифания дошла до полного отрицания само-